В. Медемъ

# Учредительное собраніе и демократическая республика

137885

Берлинъ
Изданіе Т-ва И. П. Ладыжникова

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

---

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.

---

Buchdruckerei Otto Drewitz, Berlin SW. 61.

## 1. Народъ и начальство.

Мы съ малыхъ лѣтъ пріучены молчать и слушаться. Молчать, слушаться и главное: не разсуждать. Учитель въ школѣ, мастеръ у верстака, дядька въ полку всѣ вбивали намъ въ душу эту проклятую привычку — кто словомъ, кто пинкомъ, кто зуботычиной. Молчи, не разсуждай, дѣлай, что приказано! Знай сверчокъ свой шестокъ! Вотъ «мудрыя» слова, которыя спокон вѣку разносились надъ русской землей. Разносились и сковывали людей какъ желѣзными цѣпями по рукамъ и по ногамъ. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнено у насъ крѣпостное право и дана пресловутая «воля». Но стали ли мы вольными людьми? Въ неволѣ, въ подчиненіи, въ темнотѣ продолжалъ трудовой народъ тянуть свою лямку. Работалъ, не доѣдалъ, не досыпалъ, и мало кто задумывался надъ тѣмъ, что творилось вокругъ него. Привычка великое дѣло. Привыкли мы къ тому, что разсуждать — это не нашего ума дѣло. Кто къ чему приставленъ — успокаивали насъ, — то и исполняй. Мужикъ приставленъ къ сохѣ, — паши землю и молчи. Рабочій приставленъ къ станку, — работай и молчи. А надъ всѣми нами поставлено начальство — золотыя пуговицы. Оно стоитъ и распоряжается. Ему и книги въ руки. На то оно и власть, чтобы обо всемъ думать и заботиться, всѣми помыкать и командовать. Всѣмъ слѣпили глаза золотыя пуговицы и галуны на мундирахъ. И мало кому въ голову приходила мысль: да что же это за начальство такое, откуда оно взялось, почему оно все лучше знаетъ, почему мы обязаны его безпрекословно слушаться и безвольно терпѣть его

причуды, не разсуждая и не переча. Начальство — и все тутъ! Знали только, что надъ всякимъ начальствомъ есть еще высшее начальство. Надъ городовымъ и урядникомъ — околоточный, приставъ, земскій начальникъ, исправникъ. Еще выше — губернаторъ. Надъ губернаторомъ въ Питерѣ министръ, а надъ министромъ — самъ царь. А что царь помазанникъ Божій и его самъ Господь научаетъ и наставляетъ, — объ этомъ попы съ амвона всѣ уши прожужжали. «Нѣсть власть, аще не отъ Бога». И невдомекъ было простому чѣловѣку, что во всей этой премудрости скрывается большой обманъ; что имя Божіе здѣсь всуе пріемлется; что власть наша вовсе не отъ Бога, а отъ людей и притомъ отъ людей хищныхъ, корыстныхъ и злыхъ.

А между тѣмъ достаточно было бы присмотрѣться чуть-чуть поближе къ тому, что власть имущіе съ нами продѣлывали, чтобы убѣдиться, что дѣло тутъ нечисто. Взять, напримѣръ, жизнь рабочаго. Работаетъ мастеровой человѣкъ на фабрикѣ или на заводѣ; работаетъ тяжело, съ ранняго утра до поздняго вечера, — получаетъ за свой трудъ гроши. А между тѣмъ хозяинъ его же трудомъ наживается и богатѣетъ. Развѣ не обидно? Идешь къ хозяину просить прибавки. Тотъ гонитъ прочь. Что же остается другого, какъ не бросить работу, какъ не забастовать? Казалось бы, что тутъ неправильнаго? Каждый хочетъ за свой трудъ получить столько, чтобы имѣть возможность наѣсться досыта, одѣться, обуться, дѣтей воспитать. А однако что на это начальство говоритъ? Бывало только начнется забастовка, — откуда ни возьмись — начальство: приставъ, околоточные, городовые, жандармы — пожалуйте въ участокъ! Что же это значитъ? А значитъ это, что начальство съ хозяевами въ стачкѣ, ихъ руку держитъ, ихъ желаніямъ потакаетъ. Отъ кого же такая, власть — отъ Бога или отъ сытыхъ людей?

Или взять крестьянина — изъ бѣдняковъ. Видитъ онъ, что всю силу въ деревнѣ забрали кулаки-міроѣды, а ему безземельному или безлошадному податься некуда. Хочетъ онъ слово сказать, требуетъ справедливости. Что же начальство на это? За кого земскій вступится. За него или за кулака да за помѣщика? Конечно за того, кто посильнѣй. А попробуй жаловаться! Со свѣту сживутъ. Отъ кого же такая власть?

Поневолѣ встаетъ вопросъ: неужели это въ самомъ дѣлѣ такая «воля Божія», чтобы богатый человѣкъ всегда и во всемъ былъ правъ, а бѣднякъ — всегда въ обидѣ? Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь мошенничества, какой-нибудь поддѣлки? Не дурачитъ ли тутъ корыстная и хищная компанія простой народъ? Въ самомъ ли дѣлѣ наше начальство приставлено къ своему настоящему мѣсту и ведетъ свое дѣло такъ, какъ оно его должно вести?

Вѣдь казалось бы, для чего существуетъ начальство? Чтобы былъ во всемъ надлежащій порядокъ. Что же это за порядокъ такой, чтобы богатымъ жилось все лучше, а бѣднымъ все хуже, чтобы люди другъ дружку давили и обижали, а начальство этому потакало и способствовало?

Не даромъ пословица говоритъ: кто богатъ, тотъ и правъ. Для бѣдняка начальство гроза. А для богача — слуга. Простого человѣка держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а богатому всячески угождаетъ. Для богатаго человѣка начальникъ свой братъ. Богачъ его и угоститъ, и дѣтей у него креститъ, и взятку поднесетъ, и въ картишки перекинется. Какъ же милому дружку не угодить? Свои люди, одна компанія, рука руку моетъ. Вотъ помѣщики, фабриканты и купцы и стали такимъ образомъ настоящими хозяевами въ россійскомъ государствѣ. Они-то своихъ сыновей, да кумовей, да племянниковъ опредѣляли на разныя должности, чтобы черезъ нихъ помыкать

народомъ. Они-то выхлопатывали себѣ разныя пособія и поблажки. Они-то были вхожи во всякія канцеляріи въ Питерѣ, гдѣ изготовлялись законы, и слѣдили за тѣмъ, чтобы законы издавались такіе, какихъ имъ надо. Они раскладывали подати съ такимъ расчетомъ, чтобы имъ либо ничего не приходилось платить, либо самые пустячки, а всѣ тяготы приходилось нести простому народу. Они своихъ дѣтей посылали учиться въ гимназіи и университеты, а всѣхъ прочихъ держали въ темнотѣ и невѣжествѣ — темнымъ человѣкомъ легче помыкать, его легче провести. Все это они сообща съ чиновниками, сановниками, губернаторами, генералами и министрами продѣлывали. А царь ко всему свою печать прикладывалъ: «быть по сему». Потому что и царь тоже къ ихъ компаніи принадлежалъ. Онъ и самъ про себя говорилъ, что онъ первый дворянинъ — стало быть, первый помѣщикъ — въ россійскомъ государствѣ. Помѣщикъ помѣщика всегда скорѣе пойметъ. Свой своему поневолѣ братъ. Изъ своей кожи не вылѣзешь, будь хоть семь пядей во лбу.

Стало быть, лгали попы, когда говорили: «нѣсть власть, аще не отъ Бога». Очень даже есть. Не отъ Бога взяточники, вымогатели, насильники, а отъ людей, отъ богатыхъ и знатныхъ людей. Отъ нихъ они взялись, ими поставлены, имъ служатъ и ради нихъ помыкаютъ народомъ.

А народъ въ простотѣ душевной вѣрилъ волкамъ въ овечьей шкурѣ. Вѣрилъ и, какъ ему было внушено, слушался и молчалъ. Вотъ въ этомъ слѣпомъ довѣріи и слѣпомъ послушаніи и заключалось самое большое несчастіе. Смирнаго и покорнаго человѣка только лѣнивый не осѣдлаетъ. Разъ нѣтъ сопротивленія, — дѣйствуй во всю. Ну и дѣйствовали. Навалились на спину и наживались чужимъ потомъ, высасывали всѣ соки, а втихомолку посмѣивались надъ легковѣрными людьми, которые столько лѣтъ давали себя водить за носъ.

## 2. Первое наступленіе.

Долго такъ тянулось. Народъ терпѣлъ, а начальство командовало. Расхозяйничалось оно въ своей безнаказанности до того, что совсѣмъ обнаглѣло, и иной разъ даже и богагымъ людямъ на голову садилось. Своя рука владыка! Порядка совсѣмъ никакого не стало. Подкупы, взяточничество пошло безпримѣрное. Прямо-таки Россію оптомъ и въ розницу продавали. Всякій знаетъ, до чего это довело нашу страну. Когда въ 1904 году случилось съ японцами воевать (войну эту тоже кучка знатныхъ генераловъ и помѣщиковъ затѣяла), оказалось, что огромная Россія не могла устоять противъ маленькой Японіи; такой во всемъ безпорядокъ былъ. Это многимъ глаза раскрыло. Еще и раньше находились люди, которые понимали, отъ чего вся бѣда идетъ. Они звали народъ очнуться, одуматься, возстать противъ утѣснителей. Этихъ людей вылавливали, сажали въ тюрьму, ссылали въ Сибирь и на каторгу. Но на ихъ мѣсто приходили новые и вели дальше ихъ святое дѣло. Первые къ ихъ словамъ стали прислушиваться рабочіе, стали устраивать стачки, стали на улицу выходить толпами и требовать новыхъ, вольныхъ порядковъ. Зашевелились и крестьяне. Сперва это понемногу шло, врозь, небольшими кучками, но потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше. А въ 1905 году пошло уже движеніе по всей Россіи. Сотнями тысячъ люди стали подниматься, стали бунтоваться и солдаты, наконецъ забастовали желѣзныя дороги. Тогда правительство перепугалось. Увидѣло оно, что однѣми мѣрами строгости, тюрьмою да ссылкою народъ не успокоишь, и рѣшило пойти на уступки. 17-го октября 1905 года издалъ царь манифестъ. Обѣщалъ дать народу волю и права и созвалъ Государственную Думу — выборныхъ отъ всей земли, которые впредь должны были составлять законы

и имѣть надзоръ за начальствомъ, чтобы оно свое дѣло исполняло по совѣсти и ко благу народа.

Однако обѣщанія обѣщаніями, а дѣло дѣломъ. Думу созвать пришлось, но выборы устроили не всенародные и не равные, а съ хитрымъ расчетомъ: чтобы обезпечить въ Думѣ большинство за сторонниками стараго порядка и стараго правительства. А когда послѣ выборовъ оказалось, что царь и его министры все-таки ошиблись въ расчетѣ, и что несмотря на всѣ препятствія, чрезъ рогатки скверная избирательнаго закона все-таки проскочили въ большинствѣ люди неугодные правительству, царь, не долго думая, разогналъ одну Думу, собралъ другую — а когда оказалось, что и на этотъ разъ составъ ея неудобенъ, разогналъ ее опять и издалъ новый, еще худшій законъ, по которому большинство въ Думѣ уже накрѣпко обезпечено было за выборными помѣщиковъ, купцовъ и заводчиковъ. Съ ними уже нетрудно было столковаться и поладить на томъ, чтобы старые порядки съ небольшими поправками да подчистками остались въ силѣ.

Удержать старые порядки было тѣмъ легче, что если во время бурныхъ дней 1905 года народу и удалось вынудить у правительства разныя обѣщанія, то не удалось вырвать изъ его рукъ власти. Власть осталась попрежнему въ рукахъ старыхъ министровъ, генераловъ, губернаторовъ и прочаго начальства. Они остались на своихъ мѣстахъ и дѣлали дальше свое дѣло, не обращая вниманія на народныя требованія и на красивыя рѣчи, которыя говорились въ Государственной Думѣ. И опять пошло все попрежнему: начальство охальничало, а народъ терпѣлъ.

### 3. Война и революція.

Насталъ 1914-ый годъ и разразилась всемірная война. О томъ, что война — большое бѣдствіе для

всѣхъ народовъ, объ этомъ говорить не приходится, это всякій хорошо понимаетъ. Россіи она однако въ одномъ отношеніи сослужила службу. Все то, что въ мирное время скрыто и не видно, въ военное время выступаетъ наружу. Такъ было въ японскую войну, такъ случилось и сейчасъ. Всѣ тѣ непорядки, которые въ русской жизни таились, выступили на свѣтъ Божій. Оказалось, что сколько ни истрачено было денегъ на армію и флотъ, на подготовку къ войнѣ — все это пошло какъ въ прорву, а толку не было никакого. Армія не была снабжена амуниціей, подвозъ припасовъ велся безъ всякаго порядка, генералы къ дѣлу неспособные, — а иные изъ нихъ, какъ напримѣръ военный министръ Сухомлиновъ, оказались и прямыми измѣнниками. Словомъ, какъ въ старыя времена наши отцы говорили: „Земля у насъ богата, а порядку нѣтъ“. Стали насъ нѣмцы бить. А непорядокъ все росъ, и не только на фронтѣ и въ тылахъ арміи, но и въ глубинѣ Россіи, а больше всего въ столицахъ: въ Питерѣ и Москвѣ. Голодъ пошелъ по странѣ. Земля обильна, а все же самыхъ нужныхъ припасовъ не оказалось. Предъ пекарнями сотни людей по цѣлымъ ночамъ въ хвостахъ выстаивали, дожидались очереди, чтобы получить кусокъ хлѣба, мяса не стало, сапогъ нѣтъ, платья купить нельзя. Тутъ уже у самыхъ темныхъ и смирныхъ людей раскрылись глаза на всѣ эти безобразія. Всѣ поняли, что дальше такъ жить нельзя. И рабочіе, и крестьяне, и солдаты, и даже Государственная Дума, покорная и благонадежная, и та не вытерпѣла и взбунтовалась. 27-го февраля 1917 года началось въ Питерѣ возстаніе. Поднялись рабочіе. На ихъ сторону перешли и войска, присоединилась къ нимъ и Дума. На сторонѣ старой власти остались только продажныя души — полицейскія ищейки и жандармы, но съ ними безъ большого труда справились, и черезъ нѣсколько дней побѣда была за возставшимъ народомъ. Но этотъ

разъ дѣло было сдѣлано уже основательнѣе, чѣмъ въ 1905 году. Теперь уже не удовольствовались царскими обѣщаніями, теперь уже всѣмъ ясно было, что пока власть будетъ въ старыхъ рукахъ, ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Теперь взялъ народъ въ руки желѣзную метлу и смелъ, какъ ненужный мусоръ старое правительство съ его министрами и чиновниками. Царя заставили отказаться отъ престола и вскорѣ затѣмъ посадили подъ стражу, а потомъ выслали подальше, чтобы не мѣшалъ. Старыхъ министровъ, высшихъ чиновниковъ и часть генераловъ, которые не хотѣли подчиниться народной власти, тоже погнали прочь, а иныхъ посадили подъ замокъ. На ихъ мѣста назначили свѣжихъ людей. По всѣмъ городамъ образовались совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, которые принялись зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не было возврата къ старому; словомъ, произведена была генеральная чистка, всю самодержавную нечисть, все старое начальство вырвали съ корнемъ, и такимъ образомъ открылась дорога къ тому, чтобы введены были въ странѣ начисто новые, вольные порядки.

## 4. Учредительное собраніе.

Кто же эти новые порядки окончательно установитъ? Кто позаботится о томъ, чтобы новое не было похоже на старое, чтобы все было устроено по настоящему, по хорошему? На это отвѣтъ можетъ быть только одинъ: долженъ это сдѣлать самъ народъ. Вѣдь въ томъ-то и заключалось все зло стараго порядка, что все дѣлалось тогда безъ согласія народа, противъ его воли, за его спиной да на его спинѣ. Теперь, когда старая шайка насильниковъ сброшена, когда основные законы россійскаго государства должны быть составлены заново, важно, чтобы они были установлены не какой-либо новой самозванной шайкой,

которая бы захотѣла воспользоваться поднявшейся суматохой и подъ шумокъ захватить власть, обдѣлать свои дѣла и навязать народу такой порядокъ, который ей, этой шайкѣ, будетъ удобенъ и выгоденъ. Темныя силы, правившія прежде Россіей, притаились и только ждутъ случая, чтобы опять пробраться въ красный уголъ. Надо смотрѣть въ оба. Довольно натерпѣлись отъ самозванцевъ и захватчиковъ. Не по усмотрѣнію горсти какихъ-либо новыхъ любителей и охотниковъ до темныхъ дѣлъ, не по произволу какихъ-либо новыхъ захватчиковъ долженъ быть установленъ новый порядокъ дѣлъ въ россійскомъ государствѣ. Сдѣлать это долженъ самъ народъ.

Но какъ ему это сдѣлать? Россія велика, населенія въ ней считалось до войны около ста восьмидесяти милліоновъ душъ. Какъ же имъ всѣмъ между собою столковаться? Само собой понятно, нельзя этого сдѣлать такъ, чтобы все это несмѣтное множество народу собралось вмѣстѣ, въ одно мѣсто и сообща обо всемъ порѣшило. Это, конечно, дѣло невозможное. Но если нельзя всѣмъ сразу собраться, то есть другой способъ: послать въ одно мѣсто уполномоченныхъ, выборныхъ людей, депутатовъ. Такихъ людей можно выбрать въ небольшомъ количествѣ, они могутъ съѣхаться вмѣстѣ въ Питерѣ и составить всѣ нужные законы. Только при этомъ самое главное, чтобы эти выборные люди, депутаты были настоящими народными уполномоченными, избранными отъ всего народа. А для этого требуется прежде всего, чтобы голосованіе было всеобщее; это значитъ, что подать свой голосъ имѣетъ право всякій взрослый человѣкъ, безъ всякаго различія. Богатый или бѣдный, помѣщикъ или батракъ, заводчикъ или рабочій — каждый долженъ имѣть голосъ. И не только по роду занятій или по богатству не должно быть никакихъ различій, но и во всѣхъ другихъ смыслахъ; мужчина или женщина, православный или магометанинъ или старообрядецъ,

великороссъ или армянинъ или еврей, — всѣ россійскіе граждане должны имѣть право голоса; всѣ они въ Россіи живутъ, на Россію работаютъ, никто не долженъ остаться за бортомъ, безъ правъ.

Каждый долженъ подавать свой голосъ свободно, по совѣсти, тому, кого онъ считаетъ человѣкомъ подходящимъ, кому онъ довѣряетъ. Но что значитъ «подходящій человѣкъ»? Вѣдь то дѣло, для котораго въ этомъ случаѣ человѣкъ выбирается, дѣло совершенно особое. Можетъ случиться, что тотъ или иной человѣкъ и честный, и хорошій, и толковый, а все-таки не слѣдуетъ ему давать полномочія, потому что для этого дѣла ему главнаго не хватаетъ. Какъ же распознать? Какъ же рѣшить?

Существуютъ у насъ въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, такъ называемыя *политическія партіи*. Политическая партія — это такое общество, союзъ людей, которые столковались между собой насчетъ того, какіе по ихъ мнѣнію должны быть порядки въ россійскомъ государствѣ. Люди, которые принадлежатъ къ одной партіи, столковались между собой насчетъ этого и рѣшили, что будутъ добиваться того-то и того-то. Для того, чтобы совмѣстными усиліями добиться своихъ цѣлей они и соединились въ союзъ, партію; они стараются о томъ, чтобы въ ихъ партію вступило возможно больше народу, для этого они издаютъ газеты, книжки и воззванія, чтобы распространить пошире свои взгляды, устраиваютъ собранія; на выборахъ они дѣйствуютъ дружно, стараются провести возможно больше своихъ сторонниковъ, чтобы было кому отстаивать ихъ взгляды. А когда партія настолько окрѣпнетъ, что перетянетъ на свою сторону большинство, тогда она уже у цѣли и можетъ осуществить свои цѣли.

Если бы всѣ люди были согласны между собой, тогда бы существовала одна всеобщая партія и дѣло съ концомъ. Но люди между собой несогласны, и не

могутъ быть согласны по нынѣшнимъ временамъ; потому что различные люди по различному живутъ; а сообразно съ тѣмъ, кто *какъ* живетъ и кто *чѣмъ* живетъ, и складываются у людей ихъ желанія и стремленія. У помѣщика одна жизнь, у заводчика другая, у рабочаго третья. Что хозяину на руку, то рабочему въ обиду, и наоборотъ. Мудрено ли, что всѣмъ людямъ между собою согласиться нѣтъ никакой возможности. А потому и партій есть не одна, а нѣсколько.

Вотъ на выборахъ и происходитъ состязаніе между этими партіями. Является каждая партія къ избирателямъ и говоритъ: мои стремленія такія-то и такія-то; согласенъ ты со мной? тогда подавай голосъ за тѣхъ людей, которыхъ я выставляю, за моихъ уполномоченныхъ. Одна партія, напримѣръ, стоитъ за то, чтобы въ Россіи былъ царь самодержецъ, чтобы воли народу не давать, а земля чтобы была у помѣщиковъ. Вотъ она и приходитъ съ такимъ предложеніемъ къ избирателю; кому ея замыслы по душѣ, тотъ и будетъ голосовать за ея ставленниковъ. Другая партія полагаетъ, что царь нуженъ бы, но только власть его надо ограничить; волю народу по ея мнѣнію дать слѣдовало бы, да только не всю, а такъ, середку на половинкѣ, а землю у помѣщиковъ надо взять, но не даромъ, а заплатить имъ изъ народной казны «справедливое вознагражденіе». Кто съ этимъ планомъ согласенъ, тотъ за нее будетъ голосовать. А третья партія совсѣмъ противъ царя, и волю по ея мнѣнію всю надо народу, а не обгрызки. И землю тоже всю, и безъ вознагражденія. Опять-таки, кому такое предложеніе по душѣ, будетъ за такую партію голосовать.

Вотъ каждый избиратель и долженъ прислушаться къ тому, что говоритъ каждая партія, посообразить, которая изъ нихъ больше соотвѣтствуетъ его нуждамъ, и за такую и подать голосъ. А въ итогѣ голосованія

и окажется: за одну партію подано по всей Россіи столько-то голосовъ, за другую столько-то, за третью, за четвертую столько-то. Которая больше голосовъ собрала, та больше выборныхъ провела, которая меньше голосовъ получила, — меньше депутатовъ имѣетъ. И когда всѣ депутаты вмѣстѣ соберутся, то и окажется, что ихъ составъ отражаетъ желанія и волю всей страны, всего населенія. За кѣмъ въ странѣ большинство, за тѣмъ и тутъ среди выборныхъ большинство. Такое собраніе одно только и можетъ, одно только имѣетъ право говорить отъ имени народа, вершить его дѣла. Потому что оно всѣмъ народомъ поставлено и его волю въ себѣ содержитъ.

Такое собраніе всенародно-выбранныхъ людей, созванное для того, чтобы заново составить основные законы государства, заново заложить основы государственнаго порядка, и называется *Учредительнымъ Собраніемъ*.

Вотъ это-то Учредительное Собраніе, которое избрано всѣмъ народомъ и выражаетъ его волю, и есть настоящій хозяинъ Россіи. Ему должна принадлежать верховная власть, въ его рукахъ должны находиться судьбы страны. Какъ оно рѣшитъ, такъ тому и быть.

Какъ и что оно рѣшитъ, мы сейчасъ еще не знаемъ. Не всѣмъ будутъ по душѣ его рѣшенія. И однако, къ чему бы оно ни пришло, его рѣшенія должны быть выполнены. Потому что въ этихъ рѣшеніяхъ выразится воля большинства народа, и какіе порядки этому большинству по душѣ, такъ и должно быть устроено. Конечно, можетъ случиться, что эти порядки будутъ не во всемъ хороши. Это будетъ значить, что не всѣ еще стали вполнѣ сознательными людьми; это будетъ значить, что многіе еще дали себя одурманить лживыми обѣщаніями, не сумѣли отличить добра отъ зла, друга отъ врага. Въ такомъ случаѣ болѣе сознательные люди должны постараться просвѣ-

тить остальныхъ, раскрыть имъ глаза, научить, переубѣдить. И когда переубѣдятъ, когда перетянутъ на свою сторону большинство, тогда и смогутъ ввести тѣ порядки, какіе имъ представляются наиболѣе правильными. А пока этого не удастся сдѣлать, надо ждать и работать. Есть нетерпѣливые люди, которые думаютъ, что безъ Учредительнаго Собранія можно скорѣе и легче всѣхъ осчастливить. Ихъ планъ простой: зачѣмъ намъ возиться съ Учредительнымъ Собраніемъ, давайте соберемъ компанію рѣшительныхъ и смѣлыхъ людей, и сами, безъ церемоній, захватимъ власть и осчастливимъ народъ.

Избави насъ Богъ отъ такихъ опекуновъ-благодѣтелей. Еще никогда никого *насильно* счастливымъ не сдѣлали. Довольно мы отъ захватчиковъ натерпѣлись въ царскія времена. Если опять вернуться къ захватамъ, то изъ этого ничего кромѣ дурного не выйдетъ. Сегодня одинъ захватитъ власть, завтра другой соберетъ нѣсколько полковъ солдатъ, сброситъ перваго захватчика и самъ сядетъ на его мѣсто; послѣ-завтра — третій. Пойдетъ разруха и сплошная свалка. На мѣсто законности опять произволъ водворится. На мѣсто народовластія — самозванство. Избави насъ Богъ отъ всякихъ и всяческихъ самозванцевъ, какъ бы они себя ни называли и что бы они о себѣ ни говорили. Мы должны крѣпко помнить: нѣсть власть, аще не отъ... народа. И эту, единственно законную власть надо беречь и охранять отъ всякихъ покушеній. Вотъ почему Учредительное Собраніе должно быть дорого и неприкосновенно. Десятки лѣтъ мечтали о немъ лучшіе русскіе люди. Десятки лѣтъ вели тяжелую, неравную борьбу, гибли въ рудникахъ, на каторгѣ, на висѣлицахъ, борясь за то, чтобы расчистить ему дорогу. Наконецъ настало это время. Народъ получилъ возможность избрать своихъ излюбленныхъ людей и вручить имъ, своимъ представителямъ, верховную власть и судьбы страны.

Случилось это въ тяжелую пору войны и смуты. Тяжелая разруха какъ гроза виситъ надъ страной; старый порядокъ сброшенъ, новый еще не установленъ. Съ болями и муками рождается новая жизнь. Много страдать приходится отъ непорядка и безвластія. Нуженъ хозяинъ Россіи. Но хозяинъ не единоличный, не новый Романовъ или какой-либо другой самодержецъ. Хозяинъ Россіи — это Учредительное Собраніе. Оно одно только и можетъ положить конецъ смутѣ и разрухѣ. Оно одно только и можетъ спасти страну и вывести ее изъ смертельной опасности. И то лишь въ томъ случаѣ, если оно будетъ всенароднымъ, сильнымъ и властнымъ.

## 5. Демократическая республика.

Учредительное Собраніе называется такъ потому, что его задача — *учредить* новый государственный порядокъ въ Россіи. Само собой понятно, что оно обязано позаботиться о томъ, чтобы этотъ порядокъ былъ наилучшій; чтобы былъ учрежденъ такой государственный строй, который въ наибольшей степени былъ удобенъ для всего трудового народа.

Такой государственный строй называется: *демократическая республика.*

Что это значитъ «республика»? И что значитъ «демократическая»? Слова это иностранныя и не для всякаго понятныя. Но смыслъ ихъ простой и очень цѣнный.

Поговоримъ прежде всего о республикѣ. Республикой называется такой строй государства, при которомъ нѣтъ царя.

Людямъ стараго закала такой порядокъ можетъ показаться страннымъ и неправильнымъ. Какъ же такъ — говорятъ они — безъ царя? Нужно вѣдь,

чтобы былъ кто-нибудь самый главный, кого бы всѣ слушались. Иначе не будетъ никакого порядка. Вѣдь страна безъ царя — это все одно, какъ домъ безъ хозяина. Все пойдетъ въ разбродъ.

Люди, которые такъ разсуждаютъ, очень ошибаются. Привыкли они къ слову «царь», а что это слово на самомъ дѣлѣ значитъ, они не знаютъ. Считалось такъ, что царь — это верховный хозяинъ россійскаго государства. Онъ утверждалъ законы, онъ издавалъ указы, онъ назначалъ министровъ, иныхъ сановниковъ, генераловъ, онъ объявлялъ войну и заключалъ миръ, его именемъ судьи судили. Все онъ! Все по его указу! Такъ по крайней мѣрѣ считалось, что это все онъ самъ дѣлалъ. Однако, какъ было на самомъ дѣлѣ? Могъ ли дѣйствительно царь всѣмъ этимъ заниматься, во все входить, разбираться во всѣхъ дѣлахъ? Никогда въ жизни! Подумать только, что это за огромная машина — россійское государство. Взять, напримѣръ, любой заводъ или помѣщичью экономію — по сравненію со всей Россіей это пылинка, а и то одинъ человѣкъ съ нимъ не справится, нужны и директора, и управляющіе, и приказчики, и мастера. А тутъ такая громадина, какъ вся Россія: 180 милліоновъ человѣкъ имѣть подъ началомъ. Сколько тутъ разныхъ дѣлъ! Тутъ и армія, и флотъ, и желѣзныя дороги, и почта, и телеграфъ, и таможня, и акцизы, и подати — сколько кому платить —, и школы, и суды, и дѣла иностранныя и мало ли еще что, всего не перечтешь. Тысячи разныхъ дѣлъ, указовъ, распоряженій. Тысячи разныхъ канцелярій, управленій, присутствій. Десятки и сотни тысячъ чиновниковъ и начальниковъ сидятъ и работаютъ. Каждый по своей части. Мыслимо ли, чтобы одинъ человѣкъ за всѣмъ могъ присмотрѣть, все могъ знать и понимать, всѣмъ распорядиться? Никогда это не возможно. На словахъ выходило такъ, что всѣ они дѣйствовали, правили и судили «по указу его императорскаго ве-

личества». Но на самомъ дѣлѣ тутъ царское имя только для видимости было, для формы; они этимъ именемъ только прикрывались, чтобы людямъ пыль въ глаза пускать. А царь только и могъ, что подпись давать и печатью прихлопывать: быть по сему.

А если онъ и вздумывалъ вмѣшиваться, то еще хуже бывало. Вмѣшается — и надѣлаетъ глупостей. Вѣдь для того, чтобы въ государственныхъ дѣлахъ толково распорядиться, нуженъ и умъ большой, и знанія обширныя, и твердая воля. Такихъ людей приходится искать днемъ съ огнемъ. А царемъ становится кто? Тотъ, кто отъ прежняго царя родился. Да вѣдь отъ царя и круглый дуракъ родиться можетъ, какъ отъ всякаго смертнаго. И развѣ такъ не бывало?

Бывало, что на тронѣ россійскомъ оказывался человѣкъ полу-сумасшедшій — какъ напримѣръ Павелъ I, котораго его же приближенные въ концѣ концовъ задушили, не въ моготу было сносить его дурачества. Или самодуръ упрямый и недалекій какъ напримѣръ Николай I или Александръ III. Или просто маленькій, глупенькій и злой человѣкъ, какъ послѣдній нашъ царь Николай II. И вотъ попадетъ на тронъ такой человѣкъ — попадетъ только потому, что родился въ Зимнемъ Дворцѣ, — родись такой же человѣкъ въ какой-нибудь слободкѣ Калужской губерніи, на него бы и смотрѣть никто не сталъ. А тутъ попадаетъ на тронъ такой человѣкъ, по всему своему складу совершенно неподходящій для такой отвѣтственной должности. Такого человѣка толковый хозяинъ къ себѣ и въ приказчики не взялъ бы, а тутъ онъ получаетъ возможность ни съ того, ни съ сего распоряжаться судьбою сотни милліоновъ людей. Сколько бѣды онъ можетъ надѣлать, если захочетъ въ самомъ дѣлѣ проявить свою власть. А если онъ человѣкъ не твердаго характера, а такъ, мягкотѣлый человѣчекъ, — опять бѣда. Тогда имъ вертятъ его

приближенные. Вѣдь самъ онъ все равно до всего дойти не можетъ, обо всемъ знать, все сообразить. Сидитъ онъ у себя во дворцѣ, за семью замками, а вокругъ него всякіе великіе князья, да придворныя дамы, знатные дворяне, сановники, архіереи, временщики; стоятъ они вокругъ него какъ стѣна, строятъ всякіе подвохи, оплетаютъ его лестью и ложью, водятъ его за носъ, подсовываютъ ему свои планы, проводятъ своихъ любимцевъ и родственниковъ въ министры и въ генералы. Вотъ эта-то шайка придворныхъ, знатныхъ и богатыхъ людей и правила Россіей. Съ ними царь жилъ, ихъ глазами на все смотрѣлъ, ихъ слушался.

Вотъ республикой и называется такой порядокъ, при которомъ всего этого безобразія нѣтъ. Нѣтъ царя, нѣтъ и банды прихвостней, которые прикрываются его именемъ, нѣтъ непрошенныхъ нянекъ, которые будто бы народъ опекаютъ, а на дѣлѣ его горбомъ богатѣютъ.

Но если не будетъ царя, то кто же все-таки будетъ всѣмъ распоряжаться? Неужели такъ и останется россійское государство безъ всякой власти? Вѣдь если никто никого слушаться не будетъ, пойдетъ такое своеволіе и такая разруха, что хуже и вообразить себѣ нельзя.

Правильно. Порядокъ нуженъ. Власть нужна. Все дѣло только въ томъ, *какой* порядокъ и *какая* власть. Вѣдь вотъ живутъ же на свѣтѣ народы безъ царя. И порядокъ у нихъ во всякомъ случаѣ не хуже того, какъ у насъ было при царѣ, и не думаютъ они жаловаться на безвластіе и тосковать по царю. Значитъ, на царской власти свѣтъ клиномъ не сошелся. Можно жить и безъ нея. Какъ же это будетъ все устроено?

Разберемся по порядку.

Чѣмъ занимается власть въ государствѣ? Первое дѣло нужно издавать законы: отмѣнять или испра-

влять существующіе, если они устарѣли, и устанавливать на ихъ мѣсто новые. Это разъ. Для этого требуется власть *законодательная*.

Второе: надо законы проводить въ жизнь, — завѣдывать всѣми текущими дѣлами государственнаго управленія. Это будетъ власть *исполнительная*.

И наконецъ третье, слѣдить, чтобы никто не нарушалъ законовъ, а виновныхъ карать. Это будетъ власть *судебная*.

Посмотримъ же, нуженъ ли для всего этого царь. Въ старыя времена законы издавалъ самъ царь собственною волею. Но за послѣднія 12 лѣтъ — послѣ 1905 года — было уже не такъ. Въ Россіи существовала Государственная Дума, и составлять законы полагалось ей. Дума совѣщалась, обсуждала и изготовляла законы. Правда, каждый законъ долженъ былъ «восходить на утвержденіе его императорскаго величества». Полагалось такъ, чтобы царь его прихлопнулъ своей печаткой. Но развѣ отъ этого законъ становился лучше? И развѣ нельзя себѣ представить такого порядка, при которомъ Дума или другое собраніе выборныхъ людей не только будетъ составлять законы, но и будетъ ихъ утверждать окончательно. Царская печатка тутъ съ боку припека. Безъ нея отлично можно обойтись. Вотъ въ республикѣ такъ и будетъ. Будутъ выборные отъ народа — будетъ ли это называться Думой или иначе, дѣло не въ названіи — и они, эта палата выборныхъ, и будутъ окончательно издавать всѣ законы. Это и будетъ наша законодательная власть. Вмѣсто власти царя — власть народа.

Теперь второе дѣло: какъ будетъ съ властью исполнительной? Иначе говоря: со всякимъ начальствомъ, которое должно управлять всѣми дѣлами и смотрѣть за порядкомъ. До сихъ поръ было такъ, что все начальство назначалось сверху, изъ Питера. Считалось, что назначается оно царемъ, на дѣлѣ —

назначалось его приближенными и любимцами. Это и была власть исполнительная.

Какъ же будетъ съ этимъ при республикѣ? Опять-таки мѣсто власти царя и шайки приближенныхъ займетъ власть народа и его уполномоченныхъ. Та же самая палата выборныхъ людей, которая будетъ издавать законы, изберетъ и высшее начальство: министровъ. Министры будутъ вести дѣла, править страной. Но подчиняться они будутъ не царю (царя уже не будетъ), а той же Палатѣ народныхъ избранниковъ. Министры будутъ у нея на учетѣ, будутъ передъ ней отвѣтственны за все, что они дѣлаютъ; во всемъ обязаны будутъ передъ ней открыто отчитываться. Никакихъ тайнъ! Все явно. И если окажется, что министры ведутъ свои дѣла не такъ, какъ это для народа нужно, тогда та же Палата народныхъ представителей, которая ихъ назначила, ихъ можетъ смѣстить и назначить другихъ. Стало быть, не будетъ ни самозванцевъ, ни царскихъ ставленниковъ, навязанныхъ народу. Министры и прочее начальство будутъ не навязаны народу, а народомъ же поставлены; народъ — хозяинъ, а министры его приказчики.

Такъ будетъ съ высшимъ начальствомъ въ Питерѣ, такъ же будетъ и на мѣстахъ. Прежде, бывало, мѣстное начальство назначалось все изъ Питера; царская власть разсылала повсюду своихъ ставленниковъ. Въ республикѣ будетъ иначе. Такъ же какъ главная, всероссійская власть будетъ избираться главной всероссійской Палатой народныхъ представителей, мѣстная власть для завѣдыванія мѣстными дѣлами будетъ избираться мѣстными и областными палатами: городскими думами, волостными, уѣздными и губернскими земствами и такъ далѣе. Такимъ образомъ и въ большихъ и малыхъ дѣлахъ — во всероссійскихъ и въ мѣстныхъ — народъ будетъ самъ собою распоряжаться, самъ онъ будетъ въ лицѣ

свободно избранныхъ людей управлять своими дѣлами. Вотъ въ этомъ-то *самоуправленіи* и заключается суть республики. Вмѣсто царскаго правленія — народное *само*управленіе.

Такъ же будетъ дѣло и съ судами. Совершенно нѣтъ надобности, чтобы они назначались якобы царемъ и судили «по указу его императорскаго величества». Судьи тоже должны быть выборные и судить не именемъ царя, а именемъ народной власти.

Такимъ образомъ, республика это не безвластіе, а народовластіе. Въ ней будетъ всяческая власть — и законодательная, и исполнительная, и судебная — только будетъ эта власть въ рукахъ не самозванныхъ захватчиковъ, а въ рукахъ народныхъ избранниковъ.

Но самое важное при этомъ, чтобы россійская республика была *демократической*. Демократическая — это значитъ *всенародная*. Мало сказать, что граждане должны сами выбирать своихъ уполномоченныхъ для веденія государственныхъ дѣлъ. Нужно твердо установить, что это право имѣютъ *всѣ* граждане.

Потому что можно себѣ представить такую республику — и такіе случаи бывали-таки на свѣтѣ —, при которой и царя нѣтъ, и завѣдуютъ всѣмъ выборные люди, но выбираются они не всѣмъ народомъ, а только частью его — богатыми и зажиточными людьми. Само собою понятно, что при такомъ порядкѣ народъ опять остался бы въ накладѣ, изъ одной неволи попалъ бы въ другую. Поэтому основой настоящей демократической республики должно быть полное уравненіе въ правахъ всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Избирательное право во всѣ государственныя учрежденія — въ главную Палату народныхъ представителей, въ городскія думы, въ земства и т. д. — должно быть предоставлено всѣмъ взрослымъ гражданамъ безъ всякаго различія. Только при та-

комъ порядкѣ и можно разсчитывать на то, что власть не будетъ захвачена меньшинствомъ состоятельныхъ людей и использована къ ихъ благу въ ущербъ большинству.

Вообще въ демократической республикѣ должны быть отмѣнены всѣ тѣ особенныя права и преимущества, которыя отличаютъ одну часть населенія отъ другой. У насъ въ Россіи до сихъ поръ существовали различныя сословія. Дворяне, чиновники и духовенство считались такъ называемыми «привиллегированными» сословіями, пользовались особыми преимуществами, особой защитой законовъ; меньшими преимуществами были надѣлены купцы и мѣщане, а на самомъ низу находилось крестьянское сословіе, которое было почти совершенно лишено правъ. Демократическій строй отмѣняетъ всѣ эти различія. Всѣ равны передъ закономъ, всѣ имѣютъ равныя права и обязанности. Отмѣняются начисто сословія, нѣтъ дворянъ, графовъ, князей, бароновъ, нѣтъ чиновъ и орденовъ и титуловъ. Есть только равные и свободные граждане народной свободной Россіи. Вмѣстѣ съ сословнымъ и чиновнымъ неравенствомъ отмѣняются и иные виды гражданскаго неравенства.

До сихъ поръ, напримѣръ, женщина считалась гражданиномъ низшаго разряда, не имѣла почти никакихъ правъ; при демократическомъ строѣ не можетъ держаться такая несправедливость. Женщина работаетъ наравнѣ съ мужчиной, несетъ тягости жизни, и должна пользоваться наравнѣ съ нимъ всѣми правами. Всякія ограниченія, связанныя съ поломъ, отмѣняются.

Существовало у насъ неравенство, связанное съ вѣрой. Иновѣрныхъ и инославныхъ преслѣдовали и ограничивали въ правахъ. Въ демократической республикѣ этому не можетъ быть мѣста. Каждый долженъ имѣть возможность свободно исповѣдывать свою вѣру; вѣра — это частное, личное дѣло каждаго че-

ловѣка, и никто не долженъ подвергаться ограниченію въ правахъ изъ-за того, что онъ крестится не тремя перстами, а двумя или вовсе не крестится.

Существовало у насъ неравенство, связанное съ принадлежностью къ тому или иному народу. Полякъ или еврей былъ лишенъ тѣхъ правъ, которыми пользовался коренной русскій. Въ демократической республикѣ и это ограниченіе исчезаетъ. Не должно быть обойденныхъ. Всѣ, кто только живетъ въ Россіи, являются дѣтьми одной земли, всѣ одинаковы, всѣ равноправны и полноправны.

Но и этого еще мало. Республика должна быть не только всенародной, но и *свободной*. До тѣхъ поръ, пока мы жили подъ властью царей и ихъ ставленниковъ, считалось такъ, что наше дѣло — слушаться, сидѣть смирно и молчать. Говорить полагалось лишь то, что разрѣшитъ начальство. Собираться на собранія, объединяться въ союзы, устраивать стачки, вообще производить какія-либо дѣйствія «скопомъ» либо совсѣмъ не дозволялось, либо послѣ 1905 года — разрѣшалось съ большими трудностями и ограниченіями. Народъ былъ скованъ по рукамъ и по ногамъ.

Демократическая республика разбиваетъ оковы, снимаетъ намордникъ, надѣтый на насъ царской властью. Всякій имѣетъ право въ газетахъ, книгахъ, гдѣ ему угодно, высказывать свое мнѣніе. Прежде существовала цензура: особые чиновники просматривали каждый номеръ газеты, каждую книжку, словомъ все, что печаталось, и если что-нибудь приходилось имъ не по вкусу или не согласовалось съ видами правительства, то они накладывали на такія «неудобныя» для начальства вещи запретъ. Эта цензура въ демократической республикѣ отмѣняется начисто. Вмѣсто нея устанавливается полная свобода печати.

Дальше, всякій долженъ имѣть полное право, безъ особыхъ разрѣшеній со стороны полиціи, созывать собранія, и на этихъ собраніяхъ говорить свободно,

безъ запрета и безъ полицейскаго надзора — свобода собраній и слова.

Каждый имѣетъ право устраивать союзы, опять-таки не спрашивая разрѣшенія у начальства — свобода союзовъ.

Въ высшей степени важное орудіе въ борьбѣ работа за лучшія условія труда — это стачки; какое большое значеніе онѣ имѣютъ и какъ много пользы онѣ принесли рабочему классу, — объ этомъ не приходится распространяться; каждый рабочій знаетъ это по собственному опыту. Знало это и царское правительство и запрещало стачки или во всякомъ случаѣ чинило имъ всяческія препятствія. Въ демократической республикѣ законъ долженъ будетъ обезпечить за рабочими полную свободу стачекъ.

Большое значеніе имѣютъ также такъ называемыя демонстраціи: открытыя шествія по городу. Сплошь да рядомъ, когда нужно выставить и поддержать какія-либо требованія или выразить свое недовольство чѣмъ-либо, что творится въ государствѣ, устраиваются такія шествія. Тысячи людей проходятъ по улицамъ съ флагами и съ надписями, въ которыхъ высказываются различныя требованія и желанія. Въ такихъ шествіяхъ ясно выражается воля широкихъ массъ народа и ихъ готовность постоять за свои требованія; демонстраціи производятъ большое впечатлѣніе, заинтересовываютъ равнодушныхъ, привлекаютъ новыхъ сторонниковъ, устрашаютъ упорствующихъ, и такимъ образомъ могутъ сослужить большую службу. Именно поэтому въ царскія времена такія вещи строжайшимъ образомъ воспрещались, и если, несмотря на воспрещеніе, демонстраціи все-таки устраивались, правительство разгоняло ихъ при помощи полиціи и казацкихъ нагаекъ. Въ демократической республикѣ должна быть установлена полная свобода демонстрацій.

Равноправіе всѣхъ гражданъ, свобода слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ и демонстрацій —

вотъ первое и основное завоеваніе, которое приноситъ народу демократическая республика. Сбрасываются цѣпи, снимаются путы, развязываются руки.

Было бы нелѣпо и безсмысленно, если бы это было иначе. До тѣхъ поръ, пока власть стоитъ надъ народомъ, сидитъ на его хребтѣ — какъ это было въ царскія времена — нѣтъ ничего удивительнаго, что она изображаетъ изъ себя опекуна и зорко слѣдитъ за тѣмъ, какъ бы кто чего лишняго не сказалъ, не написалъ, не подумалъ. Но коль скоро народъ самъ беретъ въ свои руки власть, не станетъ же онъ самъ себѣ зажимать ротъ. Поэтому какъ только народъ становится мало-мальски зрѣлымъ, сознательнымъ и достаточно сильнымъ, чтобы скинуть съ своего горба угнетателей, онъ первымъ долгомъ устанавливаетъ накрѣпко всѣ тѣ гражданскія свободы, о которыхъ мы только что говорили. А если случается такъ, что новая власть опять покушается на свободу, опять пытается надѣть намордникъ, ввести цензуру и т. д., — это значитъ, что такая власть, какія бы она хорошія слова не говорила, не признаетъ народъ подлиннымъ хозяиномъ (слуга на хозяина намордника не одѣнетъ!), что она хочетъ не служить народу, а господствовать надъ народомъ. Этого стерпѣть ни въ коемъ случаѣ нельзя. Власть, которая нарушаетъ свободу, должна быть устранена.

Настоящая демократическая республика развязываетъ народу руки. Изъ тѣсной тюрьмы выходятъ люди на широкій просторъ и берутся за большую творческую работу по устроенію новой Россіи.

А устраивать нужно многое. Мало еще получить свободу и власть. Одной свободой не проживешь, Одна власть не накормитъ. Нуженъ хлѣбъ насущный. И свободой надо воспользоваться для того, чтобы обезпечить себѣ этотъ хлѣбъ.

Въ этомъ нуждаются прежде всего тѣ, кто больше всего терпѣлъ до сихъ поръ: рабочіе и крестьяне.

И свобода была бы имъ ни къ чему, если бы она не дала возможность работать надъ разрѣшеніемъ важнѣйшихъ вопросовъ русской жизни: земельнаго и рабочаго.

## 6. Земельный вопросъ.

Большинство русскаго народа — крестьяне-земледѣльцы. Большинство крестьянъ — малоземельные и безземельные. Мало земли, нѣтъ земли — мало хлѣба, нѣтъ хлѣба. Черная нужда свила себѣ гнѣздо въ необозримыхъ поляхъ, въ убогихъ деревняхъ русской земли. Изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе ждетъ русскій мужикъ земли, ждетъ и не можетъ дождаться. А земля есть тутъ же, подъ бокомъ. Но ее захватили помѣщики.

Царь Александръ II «освободилъ» крестьянъ. Онъ отмѣнилъ крѣпостное право. Мужикъ сталъ «свободнымъ». Но «свобода» эта была особаго рода. Это была свобода — помирать съ голоду.

Правда, крестьянъ освободили съ землей. Но сколько имъ было дано этой земли! Лучшіе куски захватили себѣ помѣщики; а сколько еще осталось земли казенной, монастырской, удѣльной! Одни клочья достались крестьянину. Обойтись одними этими клочьями никакъ невозможно. Съ нищенскаго надѣла нельзя прокормиться. Приходится либо итти въ батраки къ помѣщику, либо приарендовывать у него же, либо пользоваться его угодьями, либо влѣзать въ долги къ кулаку, — такъ или иначе, крестьянинъ и нищъ, и голоденъ, и въ кабалѣ.

Мудрено ли, что въ деревняхъ десятки лѣтъ только идетъ разговоръ о томъ, что земля должна принадлежать всему народу. Такъ оно и должно быть. Нельзя терпѣть, чтобы у одного были тысячи десятинъ, а другому негдѣ было повернуться. Однако въ прежнія времена ничего нельзя было подѣлать. Помѣщики и дворяне, которые стояли у власти, крѣпко держались

за свое добро. Первая Государственная Дума только успѣла заикнуться о томъ, что надо бы землю помѣщичью, монастырскую и казенную отдать крестьянамъ — а заикнулась она объ этомъ вполголоса, хотѣла старымъ собственникамъ за награбленное добро еще и деньги платить, что уже совсѣмъ лишнее было —, сейчасъ же поднялась тревога, и царь Думу поспѣшилъ разогнать, чтобы не мутила народъ. И не удивительно. Пока помѣщики у власти, они отъ своего не отступятся. Царская власть была всегда въ дружбѣ съ помѣщиками и никогда не дала бы ихъ въ обиду.

Другое дѣло — *Учредительное Собраніе,* которое будетъ избрано всѣмъ народомъ. Въ народѣ крестьяне большинство; стало быть, и въ Учредительномъ Собраніи ихъ избранники будутъ въ большинствѣ; и если крестьяне не дадутъ себя водить за носъ помѣщичьимъ ставленникамъ и инымъ ложнымъ друзьямъ, то Учредительное Собраніе такъ и рѣшитъ, какъ имъ нужно.

Рѣшеніе это можетъ быть — въ основномъ и главномъ — только одно: землю помѣщичью, монастырскую, церковную, удѣльную — отобрать въ народную собственность. Отобрать и передать въ руки народныхъ представителей — мѣстныхъ, областныхъ и всероссійскихъ. А они должны будутъ землей распоряжаться и слѣдить за тѣмъ, чтобы ею пользовались тѣ, кому слѣдуетъ. Какъ это въ точности устроить, объ этомъ здѣсь не мѣсто распространяться — было бы слишкомъ долго разсказывать —, все это должно Учредительное Собраніе со всѣми подробностями разработать и установить.

Одно только надо заранѣе знать и помнить. Не слѣдуетъ думать, что земли имѣется въ Россіи неограниченное количество. Правда, Россія велика, но и народу въ ней много; къ тому же и земля не вся годится для землепашества; есть много земли не-

годной, лѣсовъ, болотъ, степей. Такъ что неправильно думать, что пашни хватитъ на всѣхъ, сколько бы кто ни захватилъ. Для того чтобы на всѣхъ хватило, надо это дѣло соразмѣрить, распредѣлить по счету, съ умомъ. А между тѣмъ есть въ деревняхъ не мало такихъ людей, которыя хотятъ забрать поскорѣе, сколько удастся, а тамъ видно будетъ. И не только хотятъ, но и поступаютъ такъ. Это неправильно. При такомъ захватномъ порядкѣ можетъ быть удовлетворена такая деревня, которая лежитъ при крупномъ барскомъ помѣстьѣ; захватитъ сосѣдскую землю и довольна! А другая деревня, что лежитъ подальше, останется въ накладѣ и будетъ попрежнему терпѣть нужду. Да и между отдѣльными хозяевами при захватномъ порядкѣ — или вѣрнѣе сказать безпорядкѣ — пойдутъ ссоры, драки и обиды. Кто половчѣе, похитрѣе да понахальнѣе, тотъ захватитъ себѣ львиную долю. А кто въ деревнѣ ловчѣе и сильнѣе и безсовѣстнѣе? Кулакъ! Вотъ и будетъ попрежнему вмѣсто помѣщичьяго засилья — кулацкое.

Поэтому нужно помнить: земельный вопросъ не разрѣшится такимъ путемъ, что каждый будетъ хватать, что плохо лежитъ. Дѣло это должно вестись въ порядкѣ, съ умомъ, съ расчетомъ. Нужно подсчитать, сколько гдѣ земли есть, сколько на душу прирѣзать можно, какія помѣстья куда отойдутъ; одни для мѣстныхъ, сосѣднихъ деревень, другія — для дальнихъ переселенцевъ. Все это должно быть распредѣлено и установлено не съ нахрапу первымъ встрѣчнымъ крикуномъ, а съ толкомъ, уполномоченными людьми; либо земствами, либо особыми земельными комитетами, во всякомъ случаѣ особыми избранными учрежденіями. Такія учрежденія, избранныя на цѣлую область, распредѣлятъ землю по отдѣльнымъ губерніямъ, чтобы ни одна въ обидѣ не была. Губернскія земства или комитеты распредѣлятъ по уѣздамъ,

уѣздныя — по волостямъ, волостныя — по деревнямъ, все съ такимъ расчетомъ, чтобы не было обиды и насильничества, и чтобы въ концѣ концовъ земля попала по справедливости въ руки настоящихъ хлѣбопашцевъ, такихъ, которые въ ней нуждаются.

Такимъ порядкомъ только и можетъ быть удовлетворенъ тотъ застарѣлый земельный голодъ, отъ котораго уже столько лѣтъ стономъ стонетъ русская деревня. Сдѣлать это, какъ слѣдуетъ, можетъ только Учредительное Собраніе.

## 7. Рабочій вопросъ.

И городской рабочій нуждается въ новыхъ законахъ, которые дали бы ему возможность зажить человѣческою жизнью.

Съ молодыхъ лѣтъ до старости рабочему приходится терпѣть отъ хозяина и вести съ нимъ вѣчную войну. Въ прежнія времена хозяинъ былъ у себя на фабрикѣ полнымъ самодержцемъ. Что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Рабочій долженъ былъ слушаться безпрекословно. За послѣднія нѣсколько десятковъ лѣтъ положеніе рабочаго все же измѣнилось, и измѣнилось къ лучшему. Случилось это потому, что рабочій пересталъ смотрѣть на себя какъ на безсловеснаго раба и началъ оказывать хозяину сопротивленіе. Рабочіе стали объединяться въ союзы, устраивать стачки и добились того, что мало-по-малу хозяева были вынуждены сократить рабочій день, повысить плату, улучшить условія труда, лучше обращаться и т. д. Однако всего этого еще очень мало. Рабочіе союзы должны будутъ и дальше еще вести упорную борьбу съ хозяевами, отвоевывать у нихъ уступки за уступками. Эта борьба рабочихъ союзовъ — вещь въ высшей степени важная, въ ней залогъ будущаго улучшенія жизни рабочихъ. Но одной только непосредственной борьбы рабочихъ союзовъ съ хозяевами

еще недостаточно. То, чего рабочіе этимъ путемъ добиваются, еще непрочно. Потому что хозяева въ свою очередь тоже объединяются въ союзы и норовятъ при первомъ удобномъ случаѣ отобрать у рабочихъ обратно то, что тѣмъ удалось отвоевать. Хозяева пользуются, напримѣръ, заминками въ производствѣ; бываютъ такія времена, когда въ производствѣ наступаетъ застой: товаровъ напасено много, а сбыту нѣтъ. Въ такое время хозяевамъ стачка не страшна: все равно некуда дѣвать запасовъ; они сговариваются между собой и урѣзываютъ завоеванную рабочими заработную плату; а если рабочіе несогласны, то закрываютъ фабрики и выбрасываютъ рабочихъ на улицу. Такая хозяйская стачка называется локаутомъ, она можетъ принести рабочимъ много вреда. Вотъ для того, чтобы обезпечить себя отъ такихъ нападеній со стороны хозяевъ, рабочіе должны позаботиться, чтобы всѣ тѣ улучшенія, которыхъ имъ удалось добиться въ борьбѣ съ хозяевами, были разъ на всегда закрѣплены государственной властью, закономъ. Чтобы въ законѣ было, напримѣръ, разъ навсегда установлено, что рабочій день не можетъ продолжаться дольше 8-ми часовъ, или рабочая плата не можетъ быть ниже стольких-то рублей въ недѣлю. Когда это установлено закономъ, тогда уже хозяева ничего не могутъ противъ этого подѣлать и рабочимъ не приходится вѣчно тратить силы на то, чтобы сызнова начинать свою борьбу.

Еще при самодержавіи рабочимъ удалось добиться кой-какихъ законовъ въ этой области. Добились ихъ съ большимъ трудомъ и жертвами и притомъ добились очень немногаго. Иначе и быть не могло. Потому что при самодержавіи государственная власть всегда держала сторону хозяевъ, и только тогда, когда рабочіе безпорядки разыгрывались ужъ не на шутку, начальство бросало рабочимъ какую-нибудь подачку, стараясь, чтобы подачка эта была возможно болѣе скудная.

Другое дѣло будетъ тогда, когда государственная власть перейдетъ въ руки всего народа. Въ Учредительномъ Собраніи хозяева и ихъ прихвостни будутъ въ меньшинствѣ, власть будетъ въ рукахъ самихъ трудящихся, и они ужъ позаботятся о томъ, чтобы себя не обидѣть.

Учредительное Собраніе должно будетъ издать цѣлый рядъ законовъ объ охранѣ труда. Эти законы установятъ предѣльный рабочій день, установятъ уровень рабочей платы, ниже котораго *нельзя будетъ спускаться,* запретятъ ночной трудъ, запретятъ трудъ малолѣтнихъ, обезпечатъ праздничный отдыхъ, введутъ обязательное страхованіе на случай болѣзни, увѣчія, неспособности къ труду, старости, смерти, установятъ строгій государственный надзоръ за всѣми фабриками, заводами, мастерскими, чтобы всѣ эти законы исполнялись и чтобы условія труда были такія, что не вредятъ здоровью; въ надзорѣ этомъ должны будутъ принимать участіе сами рабочіе, а не ставленники хозяевъ (какъ это было до сихъ поръ въ фабричной инспекціи). И еще многое другое должно быть введено въ законодательномъ порядкѣ, чтобы охранить здоровье и жизнь рабочихъ, доставить имъ достаточный заработокъ и обезпечить отъ произвола хозяевъ.

Все это должно сдѣлать Учредительное Собраніе.

## 8. Національный вопросъ.

Третій жгучій вопросъ, который долженъ быть какъ слѣдуетъ разрѣшенъ въ свободной Россіи, — это національный вопросъ. Состоитъ онъ вотъ въ чемъ.

Въ Россіи живетъ много различныхъ народовъ (или, какъ это называется, «націй»). Кромѣ русскихъ, которыхъ у насъ больше всѣхъ, живутъ въ Россіи поляки, литовцы, евреи, армяне, латыши, грузины и много другихъ.

Жилось имъ всѣмъ до сихъ поръ очень скверно. Правда, и кореннымъ русскимъ было при самодержавіи

душно, голодно и трудно. Но другимъ народамъ, населяющимъ Россію, было еще тяжелѣе и душнѣе. Они были еще болѣе безправны, чѣмъ русскіе. Какъ ни плохи были чиновники въ отношеніи къ русскому народу, но русскій человѣкъ, когда приходилъ въ какую-нибудь канцелярію, на почту или въ судъ, могъ по крайней мѣрѣ столковаться на родномъ языкѣ, съ нимъ говорили русскимъ языкомъ и онъ объяснялся по-русски. Какъ ни плохи были школы и какъ ни мало ихъ было, но русскія дѣти все же могли понять, что учитель имъ говоритъ, потому что говорилъ онъ по-русски. А у иныхъ россійскихъ подданныхъ и этого не было. Ихъ родной языкъ не русскій, по-русски они не понимаютъ, а между тѣмъ чиновники, учителя, судьи и въ ихъ губерніяхъ были только русскіе. Вызовутъ человѣка въ судъ, — ни онъ судьи не понимаетъ, ни судья его; въ итогѣ — засудятъ невиннаго; придетъ въ какую-нибудь правительственную канцелярію, опять то же самое, нельзя столковаться, приходится уйти, не добившись толку; въ школѣ съ ребенкомъ учитель на непонятномъ языкѣ разговариваетъ; не ученіе, а одна только мука. Понасылало русское правительство на окраины Россіи самыхъ свирѣпыхъ чиновниковъ, которые мѣстныхъ жителей прямо-таки людьми не считали, и правили они, какъ настоящіе захватчики въ завоеванной странѣ, беззаконно и безнаказанно. Для разныхъ народовъ вводились разныя ограниченія въ правахъ. Однимъ не позволяли земли покупать, другихъ не допускали къ государственнымъ должностямъ, третьихъ едва ли не всѣхъ правъ лишали. Такъ, напримѣръ, евреямъ воспрещалось жить въ большей части Россіи; для нихъ было отведено нѣсколько губерній, гдѣ имъ приходилось жить въ тѣснотѣ и нищетѣ, и то только въ городахъ, а въ деревни былъ въѣздъ совсѣмъ воспрещенъ. И много всякихъ другихъ ограниченій и обидъ приходилось терпѣть людямъ только

потому, что они принадлежали къ другому племени и говорили на другомъ языкѣ.

Такъ велось изстари, потому что это было на руку власть имущимъ. Выгодно это было русскому чиновничеству, потому что оно такимъ способомъ обезпечивало для себя одного теплыя мѣстечки на окраинахъ, гдѣ можно было безнаказанно помыкать мѣстнымъ населеніемъ и вымогать отъ него взятки. Выгодно это было русскимъ купцамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, потому что безправіе другихъ народовъ стѣсняло «чужую» торговлю и промышленность, и русскимъ капиталистамъ легче было справляться съ нежелательными соперниками и наживать золотыя горы. Выгодно было русскому правительству, потому что оно натравляло одинъ народъ на другой, сѣяло между ними раздоры и подъ шумокъ этихъ раздоровъ обдѣлывало свои дѣлишки и держало всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

Теперь, когда старое правительство сброшено, стараго чиновничества нѣтъ и капиталистамъ нѣтъ того ходу, что прежде, теперь и угнетенію нерусскихъ народностей долженъ притти конецъ. Русскому трудовому народу нѣтъ никакой надобности и никакого смысла угнетать другихъ и лишать ихъ правъ. Трудовой народъ строитъ свою судьбу не на гнетѣ, не на обидѣ, а на равенствѣ всѣхъ и на всеобщей свободѣ. Всѣ граждане равны. Отъ какихъ родителей человѣкъ родился и на какомъ языкѣ онъ говоритъ, это никого не касается; изъ-за этого его никто не смѣетъ лишать правъ. Россія велика, и живетъ въ ней много разныхъ народовъ. Для того, чтобы можно было устроить жизнь сносную, необходимо, чтобы всѣ эти народы жили другъ съ другомъ въ мирѣ, чтобы одинъ другого не обижалъ, одинъ другому на шею не садился. Русскій рабочій, и польскій, и грузинскій, и еврейскій не враги между собою, а друзья. Русскій крестьянинъ, и польскій, и латышскій, и татарскій

опять-таки не враги между собой, а друзья. Для того, чтобы справиться съ общимъ врагомъ, весь трудящій народъ безъ различія языка и происхожденія долженъ дѣйствовать дружно, согласно, а не перегрызать другъ дружкѣ горло. А для того, чтобы жить дружно и согласно, надо уважать чужія права; нужно, чтобы каждый народъ имѣлъ достаточно простору для устройства своей жизни. Прежде велось такъ, что русскій чиновникъ изъ Питера командовалъ всей Россіей и держалъ всѣ народы, живущіе въ Россіи, въ своемъ кулакѣ. Изъ такого порядка ничего путнаго выйти не можетъ. Россія велика и разнообразна; она состоитъ изъ разныхъ областей, въ каждой области живутъ другіе люди. Всѣхъ ихъ подъ одну гребенку не острижешь, въ одну пару оглобель не запряжешь. Каждой области надо предоставить свободу распоряжаться своими мѣстными дѣлами по своему, какъ она это найдетъ нужнымъ. Правда, есть такія дѣла, которыя по всей Россіи должны вестись сообща; напримѣръ, войско должно быть общее, деньги общія, торговые и иные договоры съ иностранными государствами и еще другія такія общегосударственныя дѣла, — для этого должны быть общіе законы по всей Россіи и этимъ должны завѣдывать выборные люди отъ всего государства. Но есть дѣла мѣстныя, съ которыми каждая отдѣльная область должна распоряжаться отдѣльно. Въ этихъ дѣлахъ должна быть предоставлена полная свобода мѣстнымъ людямъ; они должны выбирать своихъ собственныхъ представителей, которые будутъ издавать мѣстные законы и устраивать жизнь согласно съ этими законами. И вмѣсто наѣзжихъ чиновниковъ должны будутъ на мѣстахъ править дѣлами уполномоченные отъ мѣстнаго же населенія.

Все это должно быть устроено такъ, чтобы никто не былъ въ обидѣ изъ-за того, что его родной языкъ не русскій, а какой-либо иной. Тамъ гдѣ живутъ

поляки или грузины или татары, тамъ всѣ дѣла государственныя должны вестись на ихъ родномъ языкѣ — польскомъ или грузинскомъ или татарскомъ или какомъ иномъ, смотря по тому, какой народъ тамъ живетъ. Вездѣ въ судахъ, въ присутствіяхъ, въ думахъ, въ земствахъ долженъ быть введенъ родной языкъ. Тоже и въ школахъ. Дѣтей надо учить на томъ языкѣ, къ которому они сызмальства привыкли, который они понимаютъ; только тогда имъ наука пойдетъ въ прокъ. Для русскихъ дѣтей, должна быть русская школа, для татарскихъ — татарская, для еврейскихъ — еврейская. А для того, чтобы не было обидъ и засилія, чтобы все это было устроено какъ слѣдуетъ, нужно опять-таки, чтобы завѣдывали этимъ дѣломъ не чужіе люди, а свои же избранные. Русскими школами должны завѣдывать избранные уполномоченные отъ русскаго населенія, татарскими — отъ татарскаго, грузинскими — отъ грузинскаго, еврейскими — отъ еврейскаго. Каждый народъ свои нужды лучше знаетъ. Пусть онъ самъ себя и обслуживаетъ. А государство должно слѣдить за тѣмъ, чтобы никто въ чужія дѣла не вмѣшивался, никто чужой свободы не нарушалъ и каждый бы устраивалъ свою жизнь свободно, безъ помѣхи, безъ опеки и засилія съ чьей бы то ни было стороны.

Такимъ образомъ будетъ установленъ такой порядокъ, при которомъ всѣ будутъ равны въ правахъ и отдѣльные народы Россіи произведутъ между собою вродѣ какъ бы всеобщее межеваніе: здѣсь мои дѣла, тамъ твои; я въ твои дѣла не буду вмѣшиваться, ты не вмѣшивайся въ мои. А какія есть дѣла общія, тѣми и будемъ завѣдывать сообща.

Тогда Россія превратится въ союзъ свободныхъ, равныхъ и дружныхъ народовъ, которымъ не изъ-за чего будетъ враждовать между собой и тратить силы на междоусобія. Раньше Россія была похожа на большую клѣтку, въ которой сидѣли взаперти разные на-

роды, лѣзли одинъ другому на шею и норовили перегрызть другъ другу горло. А теперь Россія должна быть вольной семьей, въ которой трудовой людъ всѣхъ племенъ и народовъ оставитъ междуособную войну и будетъ совмѣстными усиліями вести борьбу.

Установить такой порядокъ, обезпечить за всѣми равныя права, произвести всеобщее межеваніе и обозначить для каждаго народа кругъ его дѣлъ, а для всего государства кругъ его дѣлъ, — все это могутъ сдѣлать лишь избранники *всего* народа, сможетъ сдѣлать только Учредительное Собраніе.

## 9. Подати. Народное просвѣщеніе. Воинская повинность.

Много еще всякихъ вопросовъ должно будетъ разрѣшить Учредительное Собраніе. Обо всѣхъ въ подробности нѣтъ возможности сказать въ этой маленькой книжкѣ. Упомянемъ еще вкратцѣ нѣсколько вещей.

Очень важная вещь — *подати*. Безъ нихъ государство держаться не можетъ. Но до сихъ поръ это была вещь не только необходимая, но и очень тягостная. Тягостная и несправедливая была она потому, что богатые люди платили несоразмѣрно мало, а главная тяжесть ложилась на плечи малоимущихъ и неимущихъ. Какимъ образомъ это было устроено, — долго разсказывать. Но дѣло это само по себѣ очень понятное: пока у власти было богачи, они находили всякіе способы уклоняться отъ несенія податнаго бремени и перегружали его на плечи трудового народа.

Теперь это тоже должно въ корнѣ измѣниться. Общее правило должно быть установлено такое: кто больше имѣетъ, тотъ больше и долженъ платить. Для этого нужно будетъ установить строгій надзоръ за доходами. Торговыя и промышленныя предпріятія должны быть взяты на учетъ, такъ чтобы можно было

всегда точно высчитать, сколько какое предпріятіе даетъ дохода. И затѣмъ произвести разверстку съ такимъ расчетомъ, чтобы возможно большее податное бремя несли тѣ, у кого большіе доходы. Кто зарабатываетъ мало, съ того ничего не слѣдуетъ взыскивать. У кого доходы средніе, тотъ долженъ платить небольшую долю дохода. А чѣмъ выше у человѣка доходъ, тѣмъ большую долю съ него слѣдуетъ взыскивать въ казну; у того треть, у того половину дохода, у того три четверти; смотря потому какъ велика прибыль. Рабочему человѣку трудно и сотую долю дохода отдать. А крупному богачу, если у него и девять десятыхъ прибыли отобрать въ казну, все еще останется съ избыткомъ достаточно, чтобы прожить въ довольствѣ. Вотъ съ такимъ расчетомъ и долженъ быть установленъ справедливый подоходный налогъ.

Другая въ высшей степени тягостная вещь была до сихъ поръ — *воинская повинность*. Лучшіе годы приходилось человѣку тратить на безсмысленную муштровку, смотры и парады. По три, по четыре года жизни уходило зря, вдали отъ семьи, отъ работы, и за это время начальство только и заботилось о томъ, чтобы покрѣпче «подтянуть» и превратить человѣка въ послушную, не разсуждающую машину. И опять-таки, кто страдалъ отъ этого больше всего? Все тотъ же неимущій, трудящійся людъ. Зажиточный человѣкъ либо служилъ вольноопредѣляющимся, либо давалъ кому надо взятку и совсѣмъ увиливалъ отъ военной службы.

А кому это нужно было? Для того, чтобы научиться немудреному военному искусству, нѣтъ никакой надобности мучиться три-четыре года; для этого достаточно трехъ-четырехъ мѣсяцевъ. А держали въ казармахъ годами для того, чтобы людей одурманивать, и для того, чтобы всегда были налицо сотни тысячъ вооруженныхъ солдатъ, которыхъ можно

было бы въ случаѣ надобности послать на усмиреніе не внѣшнихъ, а внутреннихъ враговъ, т.-е. своихъ же братьевъ рабочихъ и крестьянъ, когда тѣ начинали «бунтоваться» противъ начальства, не будучи въ силахъ дольше терпѣть голодъ и нужду.

Въ свободной Россіи казарменная воинская повинность будетъ замѣнена всенароднымъ вооруженіемъ. И впредь каждый долженъ будетъ пройти извѣстный срокъ военной службы. Но эта служба будетъ продолжаться не нѣсколько лѣтъ, а ровно столько, сколько нужно для того, чтобы обучиться военному строю и стрѣльбѣ, иными словами — нѣсколько мѣсяцевъ. По истеченіи этихъ мѣсяцевъ обученный солдатъ отпускается домой, и лишь изрѣдка, черезъ нѣсколько лѣтъ, призывается на короткіе учебные сборы, недѣли на двѣ, чтобы освѣжить въ памяти то, чему онъ научился за время службы. Такимъ образомъ, каждый будетъ обученъ военному дѣлу, каждый будетъ солдатомъ, каждый въ случаѣ нападенія внѣшняго врага будетъ въ состояніи взяться за винтовку, чтобы защищать родину. Но на это дѣло придется тратить не долгіе годы, а всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ жизни. Не будетъ постояннаго войска, которое зря сидитъ въ казармахъ и въ мирное время народу не нужно; но за то въ случаѣ войны для защиты отечества всѣ будутъ солдатами. Конечно, никакихъ различій дѣлаться не будетъ; всенародному вооруженію будутъ подлежать всѣ, и богатые и бѣдные; освобождаться будутъ только больные и старики.

Третья важная область государственной жизни это — *народное просвѣщеніе*. При самодержавіи это дѣло было у насъ поставлено изъ рукъ вонъ скверно. Настоящее народное просвѣщеніе было царскимъ чиновникамъ не на руку. Вся ихъ власть держалась на народной темнотѣ и необразованности. Они чуяли, что если народъ наберется ума, то онъ быстро раскуситъ, что за люди имъ помыкаютъ, и тогда ихъ цар-

ству придетъ конецъ. Поэтому они заботились о томъ, какъ бы оставить народъ въ невѣжествѣ. И если ужъ нельзя было совсѣмъ обойтись безъ школъ, то устраивали они ихъ съ такимъ расчетомъ, чтобы на всѣхъ не хватало. На пушки, да на мундиры тратили изъ казенныхъ средствъ сотни милліоновъ рублей, а на школы бросали грошовыя подачки. И въ тѣхъ немногихъ школахъ, которыя все-таки были устроены, они слѣдили за тѣмъ, чтобы дѣтямъ преподавать не настоящую науку, которая имъ нужна будетъ въ жизни, а набивать имъ головы всякимъ ненужнымъ хламомъ и выращивать ихъ въ рабской покорности и послушаніи царю и начальству.

И это должно измѣниться въ обновленной Россіи. Освободившійся русскій народъ, хотя и самъ въ большой части неграмотный, все-таки понимаетъ, какая важная вещь для него образованіе. Издавна уже онъ говоритъ: ученіе свѣтъ, неученіе тьма. А что свѣтъ — это сила, что грамотнаго и ученаго человѣка не такъ легко смогутъ водить за носъ непрошенные опекуны, что грамотный и ученый человѣкъ всегда легче пробьетъ себѣ дорогу въ жизни, это для всякаго ясно. Если въ свободной Россіи надо будетъ на чемъ экономію вгонять, такъ это на пушкахъ и ружьяхъ, на жалованьи высшимъ чиновникамъ, а не на народномъ просвѣщеніи. На школы будетъ тратиться столько, сколько нужно, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ Россіи неграмотныхъ людей не было совсѣмъ. Обученіе должно быть введено всеобщее, принудительное. Это значитъ, что каждый мальчикъ и каждая дѣвочка, достигнувъ извѣстнаго возраста, должны будутъ обязательно итти въ школу. А если найдутся такіе родители, слѣпые и неумные, которые, сами не понимая, что губятъ своихъ дѣтей, не захотятъ ихъ отдать въ школу, то законъ заставитъ ихъ это сдѣлать. Наука въ школахъ будетъ безплатная, родителямъ ничего не надо будетъ платить. Вдобавокъ дѣти будутъ получать въ

школахъ безплатно все то, что нужно для ученія — книжки, тетради, перья, карандаши; также безплатно будутъ имъ отпускаться и завтраки. Дѣтямъ, которыя въ начальной школѣ обнаружатъ лучшія способности къ ученію, должна быть дана возможность продолжать и дальше науку, — перейти въ среднюю и высшую школу. Такимъ образомъ образованность не будетъ исключительнымъ достояніемъ богатыхъ людей, а всякаго, кто только имѣетъ къ ученію охоту и природный даръ.

## 10. Свободная Россія и народъ.

Въ предыдущихъ главахъ мы въ самыхъ краткихъ чертахъ обрисовали важнѣйшія — не всѣ — измѣненія, которыя долженъ принести народной жизни свободный строй государственной жизни, демократическая республика.

Не надо однако думать, что это все можетъ быть сдѣлано однимъ росчеркомъ пера, что достаточно сбросить старую самодержавную власть и наступитъ сразу, безъ дальнѣйшихъ усилій всеобщій порядокъ и благополучіе. Предстоитъ еще большая и трудная работа.

Въ началѣ этой книжки мы говорили о томъ, что при старомъ строѣ чиновники правили, а народъ слушался, молчалъ и обо всѣхъ дѣлахъ государственныхъ говорилъ: «не наше это дѣло, начальство разберетъ». Въ свободной Россіи народъ самъ становится хозяиномъ страны. Это значитъ, что все происходящее въ государственной жизни *его* дѣло, его родное, кровное дѣло. Не другіе имъ правятъ, а онъ самъ собою правитъ. Къ этому-то самоуправленію народъ долженъ привыкнуть и воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ. Если раньше имъ помыкали поставленные сверху царемъ чиновники, то теперь онъ долженъ привыкнуть къ мысли, что завѣдывать всѣми дѣлами будутъ люди, имъ же самимъ избранные.

Прежніе начальники были захватчики и враги народа, новые должны быть его слуги, его приказчики. Но для того, чтобы приказчики вели дѣло какъ слѣдуетъ, нуженъ зоркій хозяйскій глазъ. Каждый гражданинъ долженъ помнить, что онъ теперь является совладѣльцемъ россійскаго государства, на немъ лежитъ забота о государственныхъ дѣлахъ. Онъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы выборные люди, которые будутъ писать законы, были людьми подходящими, и долженъ выбирать только такихъ — на кого онъ можетъ положиться, въ комъ онъ можетъ быть увѣренъ, что тотъ не измѣнитъ, а будетъ какъ слѣдуетъ защищать народныя нужды. Каждый гражданинъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы тѣ уполномоченные, которые будутъ вести текущія государственныя дѣла, также были людьми подходящими. Болѣе того, послѣ того какъ состоятся выборы, надо за выбранными людьми внимательно слѣдить. Какъ настоящіе приказчики они должны быть на учетѣ у хозяина. А хозяева-то вѣдь будемъ мы всѣ. Вотъ мы и должны зорко присматриваться къ тому, какъ наши выборные ведутъ дѣла. И если ведутъ они дѣла не такъ, какъ это требуютъ наши нужды, а если еще вздумаютъ покушаться на наши права и на нашу свободу, захотятъ изъ подотчетныхъ приказчиковъ пробраться въ новые самодержцы, — по шапкѣ ихъ безъ всякаго стѣсненія!

Для того, чтобы дѣла велись правильно, нужно, чтобы каждый гражданинъ не только слѣдилъ за начальствомъ, но и самъ по новому осмыслилъ бы свое положеніе. Отчего въ царской Россіи было столько всякихъ непорядковъ, подкуповъ, взяточничества? Конечно, прежде всего оттого, что чиновничество хозяйничало безъ надзора, что у него была «своя рука владыка». Но и съ другой стороны, какъ сами обыватели къ этому дѣлу относились? Кто не норовилъ казну надуть? Чуть ли не всякій. А потому, что свыклись всѣ съ такой мыслью: мы сами по себѣ,

а казна сама по себѣ, казна не наша, а чужая. Что при самодержавіи такъ было, это вполнѣ понятно; тогда казна въ самомъ дѣлѣ была вродѣ какъ бы чужая. Но въ свободной Россіи, гдѣ распоряжаться всѣмъ будемъ мы сами, — тамъ казна уже не чужая, тамъ казна уже наше собственное народное достояніе, и кто обманываетъ казну, тотъ обманываетъ себя же самого или своихъ братьевъ.

Казну мы привели только къ примѣру, чтобы показать, что въ свободной Россіи все отношеніе каждаго обывателя къ государственнымъ дѣламъ должно быть другое. Во всемъ онъ долженъ чувствовать себя хозяиномъ, во все входить, за всѣмъ присматривать, но при этомъ понимать, что онъ и на себя беретъ немалую отвѣтственность. Хорошо будутъ дѣла вестись — въ томъ будетъ доля заслуги каждаго изъ насъ; плохо пойдутъ дѣла, — на каждаго изъ насъ ляжетъ доля вины.

Поэтому каждый и долженъ будетъ составить себѣ ясное пониманіе того, что и какъ нужно сдѣлать. Для этого надо внимательно читать газеты, въ которыхъ сообщается обо всѣхъ текущихъ дѣлахъ, книжки, посѣщать собранія, на которыхъ свѣдущіе люди объясняютъ, что слѣдуетъ. А кто дошелъ до пониманія и составилъ себѣ ясный взглядъ на то, къ чему надо стремиться, долженъ соединяться съ другими, согласномыслящими, въ крѣпкіе союзы и совмѣстными силами вести борьбу за то, чтобы устроить жизнь такъ, какъ это нужно трудовому народу, пока есть на свѣтѣ богачи и бѣдняки. Богачамъ мы совѣтовъ не даемъ, трудящійся же народъ долженъ помнить, что сила его въ единеніи. Дружнымъ напоромъ онъ сбросилъ царя, дружными усиліями устроитъ себѣ рабочій народъ лучшую жизнь.

И еще одну вещь надо имѣть въ виду и твердо помнить. Демократическая республика дастъ, какъ мы уже говорили раньше (или вѣрнѣе: *можетъ* дать,

если народъ будетъ держать ухо востро и не дастъ себя въ обиду), свободу и права, она дастъ рабочимъ фабричное законодательство, крестьянамъ — землю. Однако, было бы величайшимъ заблужденіемъ думать, что этого всего достаточно, чтобы установить на землѣ всеобщее благополучіе. Если кто думаетъ, что республика всѣхъ накормитъ и напоитъ, одѣнетъ и обуетъ, тотъ потерпитъ жесточайшее разочарованіе. И въ демократическихъ республикахъ есть нужда и голодъ. Этого коренного зла всей нынѣшней жизни республиканскій строй самъ по себѣ не уничтожаетъ.

И несмотря на это: именно рабочіе должны всѣми силами стремиться къ установленію демократической республики. И это по очень простой причинѣ: республика развязываетъ имъ руки и открываетъ пути. Для того, чтобы добиться такого порядка, при которомъ не будетъ нужды, надо перестроить міръ заново, въ корнѣ. Это большая и трудная работа. И особенно у насъ въ Россіи, въ странѣ отсталой, рабочимъ придется еще долго копить силы, сплачиваться, просвѣщаться, пока имъ удастся притти къ конечной цѣли. Съ размаху этого не сдѣлаешь. Вотъ для этой то долгой и трудной работы и борьбы за окончательную, коренную ломку, нужна демократическая республика. Сама по себѣ она приноситъ хотя и очень важныя, но лишь частичныя облегченія. Но она открываетъ рабочему народу дорогу къ грядущему полному избавленію. За это избавленіе будетъ итти и дальше борьба. Но въ свободной Россіи, безъ царской нагайки и безъ царскихъ рогатокъ, вести эту борьбу будетъ куда легче.

# Оглавленіе.


| | | Стр. |
|---|---|---|
| 1. | Народъ и начальство | 3 |
| 2. | Первое наступленіе | 7 |
| 3. | Война и революція | 8 |
| 4. | Учредительное собраніе | 10 |
| 5. | Демократическая республика | 16 |
| 6. | Земельный вопросъ | 27 |
| 7. | Рабочій вопросъ | 30 |
| 8. | Національный вопросъ | 32 |
| 9. | Подати. Воинская повинность. Народное просвѣщеніе | 37 |
| 10. | Свободная Россія и народъ | 41 |